

Южноамериканский Израиль: предварительные результаты полевых исследований в русской колонии Сан-Хавьер в Уругвае¹

Данная статья посвящена русскому религиозному движению Новый Израиль и основана главным образом на полевых исследованиях, проведенных автором в городе Сан-Хавьер, Уругвай в апреле-мае 2008 года. Базируется она, в основном, на результатах полевых исследований, которые включали в себя многочисленные интервью с жителями Сан-Хавьера, посещение богослужения новоизраильтян, запись религиозных песен общины. Сан-Хавьер был основан в 1913 году группой переселенцев из России, членов религиозного движения Новый Израиль. Несмотря на то, что до сих пор жители русского происхождения составляют не менее половины населения города, религиозная община Нового Израиля находится, если можно так выразиться, в состоянии комы. Есть основания полагать, что с уходом из жизни последних приверженцев новоизраильской веры, этот интереснейший феномен русского религиозного разномыслия в Уругвае окончательно отойдет в область истории.

The article is about the Russian religious movement the New Israel. It is mainly based on author's field studies in the town of Saint-Xavier, Uruguay in April-May of 2008. The main method of the field study is interview with inhabitants of Saint-Xavier, observation of worships and recording of religious songs. Saint-Xavier was founded in 1913 by the group of Russian settlers – part of the New Israel religious movement. Despite the fact that not less than a half of population in the city are of Russian origin the religious community is in stagnation. There are reasons to believe that after the last followers of the movement pass away this most original phenomenon of peripheral Russian religiosity in Uruguay will be gone.

Введение

Данная статья посвящена русскому религиозному движению Новый Израиль и основана главным образом на полевых исследованиях, проведенных автором в городе Сан-Хавьер, Уругвай в апреле-мае 2008 года. Сан-Хавьер был основан в 1913 году группой переселенцев из России, членов религиозного движения Новый Израиль. В отечественном религиоведении Новый Израиль обычно классифицируется как одна из ветвей русских «духовных христиан», наряду с христововерами («хлыстами»), скопцами, молоканами и духоборами. Несмотря на то, что до сих пор жители русского происхождения составляют не менее половины населения города, религиозная община Нового Израиля находится, если можно так выразиться, в состоянии комы. Есть основания полагать, что с уходом из жизни последних приверженцев новоизраильской веры, этот интереснейший феномен русского религиозного разномыслия в Уругвае окончательно отойдет в область истории. Вызывает особое беспокойство судьба архивов новоизраильской общины в Сан-Хавьере. В силу рудиментарного, в лучшем случае, владения русским языком большинством русских сан-хавьерцев и практического отсутствия интереса к религиозному аспекту истории своих предков, существует вероятность утраты архивных документов после окончательного прекращения деятельности новоизраильского Собрания.

Настоящий очерк базируется в основном на результатах полевых исследований, которые включали в себя многочисленные интервью с жителями Сан-Хавьера, посещение богослужения новоизраильтян, запись религиозных песен общины. Помимо этого, в ходе пребывания в Сан-Хавьере автор сделал

¹ Работа публикуется в авторской редакции.

фотокопии той части архивов собрания, которая показалась ему наиболее ценной с академической точки зрения. В распоряжении автора находится более тысячи листов таких фотокопий. В этом очерке будет сделана попытка классифицировать эти материалы с точки зрения тематики, периода создания и потенциальной научной ценности, в надежде, что со временем архивные материалы будут введены в широкий научный оборот.

Автор хотел бы выразить глубокую благодарность г-ну Леонардо Мартинесу (Leonardo Martinez), журналисту и хранителю «Музея Иммигрантов» (*Museo de los Inmigrantes*) в Сан-Хавьере, предоставившему автору неоценимую помощь по организации поездки. Автор благодарен также г-же Марии Лордугиной (Maria Lorduguin), активной участнице новоизраильской общины, гостеприимно разместившей автора в своем доме в течение всего его пребывания в городе, и всем сан-хавьерцам, делившимся с ним своими воспоминаниями и точкой зрения. Автор благодарит Синди Слимэн (Cindy Sleeman) из Ванкувера, Канада, за ценные материалы из своего семейного архива. Наконец, автор признателен факультету религиоведения Университета Калгари (Канада), предоставившему средства, частично покрывшие затраты на поездку.

Контекст и история

Хотя статья посвящена прежде всего истории и сегодняшнему состоянию новоизраильской общины в Уругвае, необходимо коснуться основных этапов возникновения и развития общины Новый Израиль на ее исторической родине, тем более что в религиоведческой литературе традиционно преобладали ошибочные представления об истоках движения.

Новый Израиль, религиозное движение, возникшее в Воронежской губернии в 1880-ых годах под руководством Василия Федоровича Мокшина, является прямым потомком общин Старого Израиля, иначе известного как «шалопуты» (особенно на Украине и юге России), или «катасоновцы» по имени Парфентия (известного также как Перфил) Катасонова, бывшего лидером Старого Израиля на протяжении нескольких десятилетий. В свою очередь, Старый Израиль появился в результате раскола в движении так называемых тамбовских постников или богомоллов, возникшем в 1820-30-х годах. Община постников хорошо известна в отечественном религиоведении благодаря полевым исследованиям среди них, проведенных А.И. Клибановым в 1959 году.² Ранее систематическим сбором материалов о постниках, Старом и Новом Израиле занимался православный антисектантский миссионер И.Г. Айвазов,³ а также религиовед и этнограф левого толка В.Д. Бонч-Бруевич,⁴ ставший впоследствии советским государственным и партийным деятелем, и закончивший свою карьеру в качестве директора Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

Известно, что родоначальником движения постников был крепостной крестьянин Аббакум Иванович Копылов и государственная крестьянка Татьяна Макарьевна Черносвитова. Очевидно, что их учение явилось своего рода реакцией на недостаточный, как им представлялось, уровень благочестия в современной им православной церкви. Любопытно, что одним из практических ру-

² Клибанов А.И. Современное сектантство в Тамбовской области (По материалам экспедиции Института истории Академии наук СССР в 1959 г.) // Вопросы истории религии и атеизма, т. VIII. М.: 1960, С. 59-100.

³ Айвазов И.Г. Христовщина. Том I. (Материалы для исследования русских мистических сект), Пг.: 1915.

⁴ Бонч-Бруевич В.Д. Материалы к истории и изучению русского сектантства (старообрядчества). Новый Израиль. СПб., 1911.

ководств по благочестию для неопитов постничества были сочинения святителя Тихона Задонского (1724-1783), незадолго до возникновения постничества канонизированного церковью. Дальнейшим следствием независимых упражнений в благочестии группы Копылова и Черносивитовой стало проведение собственных небольших собраний, устраиваемых в дополнение к церковному богослужению, неукоснительно ими посещавшемуся. Обращает на себя внимание очевидная аналогия между ранними постниками и немецкими протестантскими пиетистами. Последние также, не порывая связей с официальной лютеранской (иногда реформатской) церковью, создавали свои малые общины, известные как *collegia pietatis* для укрепления и возрастания в благочестии. Особенно явной окажется эта аналогия, если мы примем во внимание то влияние, которое, как показывают современные исследования, оказал немецкий пиетизм на святителя Тихона Задонского.⁵ Одной из характерных черт движения постников стал аскетизм, выраженный в особом значении, придаваемом строгому посту, а также, (со временем), экстаические моменты в виде неконтролируемых движений тела, прыжков и плясок, интерпретируемых как кульминация духовной радости. Впрочем, этот последний аспект также не был чужд пиетизму. Достаточно вспомнить такие современные русским постникам народные версии протестантского пиетизма, как движение финских «скакунов» (*hyppyseuralaiset*)⁶ или прыгунов (*Huepfer*) в немецких колониях на Днепре,⁷ не говоря уже о молоканах-прыгунах, также испытавших сильное влияние немецкого пиетизма.⁸ В целом же экстаический культ свойствен большому числу религиозных движений самых разных времен и традиций, и часто не может быть основанием для установления какого-либо иного родства, кроме типологического, между практикующими его движениями.

В попытках классифицировать русское религиозное разномыслие, первые его исследователи, православные миссионеры, отнесли постничество, равно как Старый и Новый Израиль, к «хлыстовству». Причины для такого рода классификации кажутся более чем формальными, если не сказать надуманными. Экстаические аспекты культа явились внешним предлогом к этому, в то время как сам пейоративный ярлык «хлыстовщины», которой вменялись в вину мыслимые и немыслимые непотребства, должен был отвратить православных от новой секты. Большинство авторов, писавших о постниках, Старом и Новом Израиле до революции, за исключением разве что Бонч-Бруевича, и, с известными оговорками, профессора-протоиерея Тимофея Ивановича Буткевича,⁹ называют их «хлыстами». Это и упоминавшийся уже Айвазов, и чиновник Семен Бондарь,¹⁰ и Константин Кутепов,¹¹ и священник-миссионер Симеон Ни-

⁵ Хондзинский, свящ. Павел. Два труда об истинном христианстве: Святитель Тихон Задонский и Иоганн Арндт // Журнал Московской патриархии, 2004, №2, 62-73.

⁶ См. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Москва: ОГИ, 2002, с. 198-99.

⁷ John B. Toews, Early Mennonite Brethren and Evangelism in Russia // Direction, Fall 1999, Vol. 28, №2, p. 187-200.

⁸ О немецкой, в т.ч. пиетистской иммиграции в Россию см. Gestrich, Andreas. "German Religious Emigration to Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries," In Search of Peace and Prosperity. New German Settlements in Eighteenth-Century Europe and America, Hartmut Lehmann, Hermann Wellenreuther, Renate Wilson, ed., University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2000, P. 77-98. О влиянии пиетизма вообще на русскую религиозную мысль и движения XIX века см.: Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург, 1871; 2-е изд., 1885.

⁹ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910, с. 92-107, 116-122.

¹⁰ Бондарь С.Д. Секты шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих. Пг.: 1916.

кольский.¹² Хотя Буткевич, рассуждая о взаимосвязи секты «шалопутов» (т.е. постников и Старого Израиля) и «хлыстов» признает, что, вопреки традиции, «есть серьезное основание для того, чтобы не смешивать этих двух сект»,¹³ несколькими страницами ниже он пишет о Новом Израиле, что «секта эта... есть одна из новейших разновидностей хлыстовства».¹⁴ Бонч-Бруевич, в свою очередь, склонен связывать Новый Израиль (как и постников) с движением духоборов.¹⁵ В опубликованном ранее исследовании мы показали, что сходство между духоборами и Новым Израилем носило довольно поверхностный характер и объяснялось, главным образом, сознательным подражанием лидера Нового Израиля Василия Лубкова главе радикальной «Большой Партии» духоборов Петру Веригину.¹⁶ Вместе с тем необходимо помнить о том, что район генезиса постников (Тамбовская губ.) был также колыбелью духоборчества и молоканства, так что невозможно отрицать определенные параллели, если не в доктринальных вопросах, то в части мотивации, целей и социальной базы приверженцев этих движений. К сожалению, мнение о постниках, Старом и Новом Израиле как о ветви христововерия оказалось очень живучим. В частности, в советское время такого мнения придерживался А.И. Клибанов, а также ряд менее известных авторов. В настоящее время такую же точку зрения исповедует А.А. Панченко.¹⁷ За рубежом, видимо, в силу меньшей зависимости от сложившейся в России традиции, имеет место взгляд на постников и Израиль как на независимую ветвь русского религиозного разномыслия, высказанный Юджином Клэем.¹⁸ Судьба традиционной христовщины («данило-филипповцев», пользуясь термином Айвазова) после разгромных процессов XVIII века, сама по себе представляется белым пятном российской религиозной истории. Однако нет достаточных оснований считать постников христововерами. Кратко выскажем лишь несколько основных соображений в поддержку нашей точки зрения.

История постников весьма хорошо документирована практически с момента их возникновения. Нам известно, кто были основатели движения, мы можем предположить с большой достоверностью, какова была их мотивация, и какие влияния они испытывали. Не существует никаких доказательств прямых связей либо преемственности между постниками и христововерами как мы знаем последних из аутентичных источников XVIII столетия.

Христововеры отвергали Библию. Один из их основополагающих мифов гласит, что основатель «хлыстовства» Данила Филиппович, отвечая на вопрос, новые или дораскольские книги спасительнее, собрал их все в мешок и бросил в Волгу, ибо их место для него заняла «Книга Золотая, Книга Животная, Книга Голубиная, Сам сударь Дух Святой». Постники же читали и почитали Библию, хотя и толковали ее иносказательно.

Христововеры выработали подробную агиографию своих лидеров, «христов» и «богородиц», начиная от живших в XVII веке Данилы Филипповича и Ивана Тимофеевича Суслова (не говоря уже о более мифологичных фигу-

¹¹ Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань: Типография императорского университета, 1882, с. 89-91.

¹² Никольский С. Краткий катехизис основных начал веры новоизраильской общины и опровержение содержащихся в нем лжеучений. СПб., 1912.

¹³ Буткевич Т.И. Указ. соч., с. 93

¹⁴ Буткевич Т.И. Указ. соч., с. 116.

¹⁵ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч., с. XXIX.

¹⁶ Петров С.В. Новый Израиль: трансформация ветви русского религиозного разномыслия // Религиоведение, 2006, № 2, с. 40-57.

¹⁷ Панченко, Указ. соч., с. 193-95.

¹⁸ Clay E. Russian Israel // Communal Societies, 18 (1998), P. 81-91.

рах вроде «христа» Аверьяна, жившего при Дмитрие Донском) до Андреяна Петрова и Настасьи Карповой, попавших под следствие в 1747 году. Постники же и русский Израиль, как заметил еще Буткевич, всех этих персонажей «даже не знают»¹⁹.

Наконец, географическая среда появления и развития постников и Израиля (Тамбов) совершенно не совпадает с традиционным ареалом распространения христовщины (Кострома, Рязань, Москва и Подмосковье), но напротив, совпадает с колыбелью молоканства и духоборчества. Этот список не является исчерпывающим, однако формат и тема данной статьи позволяют только обозначить наши подходы к теме.

Движение постников так и осталось локально ограниченным и достаточно децентрализованным.²⁰ Движение же Израиль (или Старый Израиль), отделившееся от постников в 1850-е годы под харизматическим руководством Парфентия Катасонова, быстро превратилось во всероссийскую религиозную организацию. По сравнению с постниками аскетические запреты у «катасоновцев» были ослаблены. В частности, были фактически упразднены многодневные строгие посты и запрет на деторождение. Вопедевшее в употребление самоназвание Израиль указывало на избранность членов общины как Божьего народа, символическим прообразом которого был ветхозаветный Израиль. Лейтмотивом доктрины, как постничества, так и Старого Израиля было непосредственное общение с Богом, исполнение Святым Духом, возрастание в благочестии, практически выражавшиеся в состоянии духовной радости, «опьянения Духом», пророчествах, обличении в тайных грехах. Ритуальная пляска оставалась одной из культовых особенностей движения.

После смерти Катасонова, последовавшей в 1885 году, движение Израиль распалось на несколько частей, возглавляемых целым рядом лидеров секты и пророков, между которыми шла постоянная борьба за власть и влияние на единоверцев. Один из таких лидеров, Василий Мокшин (? - 1894), глава «катасоновцев» Воронежской губернии, пытался объединить распадавшееся движение под знаменем обновления. Именно ему принадлежит введение в оборот наименования Новый Израиль, который он противопоставил не признававшему его авторитета Старому Израилю. Однако Мокшин не ввел ничего нового в существовавшую культовую практику или доктрину.

Явлением поистине крупного масштаба Новый Израиль стал под управлением преемника Мокшина, Василия Семеновича Лубкова (1869-1937?), уроженца города Бобров Воронежской губернии. Обратившись в веру Нового Израиля в возрасте 17 лет, и будучи вскоре сосланным в Закавказье как сектант, Лубков с молодых лет имел перед глазами пример закавказских общин молокан и духоборов, намного более многочисленных, крепких и регулярно организованных по сравнению с аморфной массой нелегально существовавших ново- и староизраильтян. Хронологически ссылка Лубкова в Закавказье совпала с радикальным движением веригинцев среди закавказских духоборов. Веригин, находившийся под сильным влиянием Льва Толстого и толстовцев, провозгласил возврат к строгому духоборческому пацифизму, ввел среди своих последовате-

¹⁹ Буткевич Т.И. Указ. соч., с. 94.

²⁰ Упомянутые ниже основные вехи истории постников, Старого и Нового Израиля описаны в цитируемой уже литературе. Кроме процитированных работ об этих движениях, стоит упомянуть сочинение еп. Алексия (Дородницына) «Шеланутская община» // Русский вестник. 1904.- Октябрь.- С. 705-739. Немало любопытного материала по постникам и Израилю содержат также такие периодические издания начала XX века, как «Миссионерское обозрение» и «Епархиальные ведомости» регионов, где эти движения были особенно распространены (Тамбов, Воронеж, Ростов).

лей вегетарианство и общность имущества. Как известно, вспышка радикализма среди духоборов, сопровождавшаяся правительственными репрессиями, вылилась в массовую эмиграцию духоборов в Канаду в 1898-99 годах.²¹

Лубков постарался придать регулярную структуру своей организации. Россия была разделена на регионы, в главе которых были поставлены его представители. Лубков написал немало вероучительных сочинений для своей общины и гимнов для исполнения на собраниях. В отличие от других движений старого русского «сектантства», часто пользовавшихся одними и теми же традиционными песнями, песенник новоизраильской общины отличается новизной содержания. Лубков старался ограничить экстатические проявления, «хождения в Духе» и шпаксы особыми моментами (свадьбы и пр.), по возможности избегая их в присутствии гостей и вообще «внешних». После манифеста о веротерпимости 1905 года Лубков немедленно воспользовался открывшимися возможностями для легализации Нового Израиля. Стоит упомянуть регулярно организовывавшиеся Лубковым так называемые «содействия», театрализованные представления на библейские сюжеты, рассчитанные на массового зрителя. В 1905 году Лубков объявил недействительными все браки новоизраильтян, заключенные в православной церкви и повелел заключить новые (с новыми партнерами), основанные на любви. Этот эксперимент привел к недовольству части членов общины, удовлетворенных своей семейной жизнью, и вскоре был остановлен. Несмотря на обретение легального статуса, последователи Лубкова нередко становились жертвами дискриминации, трегирования, а иногда и погромов со стороны православного населения, особенно в селах и станицах.

Доктринальная сторона новоизраильского учения заключалась в вере в непостижимого трансцендентного Бога, который проявляется на земле только в людях и пребывает в «разумных душах». Душа для новоизраильтян – это мысль, то есть, способность к рациональному рассуждению и деятельности. Однако человеческие души загрязнены грехом, эгоизмом, вредными привычками, неразумием, что мешает божественному (или разумному) началу проявиться в полной мере. Орудием пробуждения человека от плотского состояния к духовному является Христос, понимаемый не столько как исторический Иисус, живший в I веке в Палестине, а как состояние приближенности к Богу, пробуждение разумных и творческих сил человеческой природы, которое люди могут переживать в любое время. Библейские чудеса, включая исцеления и воскресение мертвых, понимаются иносказательно, а такие элементы православного культа как крещение, причастие, поклонение иконам, сложный богослужебный ритуал, полностью отрицаются. Вожди общины, такие как Катасонов, Мокшин или Лубков, считались воплотившими идеал «христовства» в наиболее полной степени, и пользовались большим почитанием со стороны последователей.

Лубков трижды пытался собрать своих последователей в намеренно созданном отдельном поселении, возможно, по примеру закавказских духоборов, живших изолированно от соседей. Первая такая попытка относится к самому началу XX века, когда Лубков пригласил своих единоверцев переселяться в регион Средней Азии известный как Голодная Степь (ныне Сырдарьинская область Узбекистана). Эксперимент провалился, разорив многих новоизраильтян, потратившихся на переезд и вскоре вынужденных возвратиться к прежним местам жительства. Вторая, более удачная попытка была произведена в Закавказье (Акстафа, ныне Азербайджан), традиционном регионе расселения

²¹ Среди относительно недавних работ по духоборческой эмиграции следует обратить внимание на Donskov, Andrew, Ed. Sergej Tolstoy and the Doukhobors: a Journey to Canada. Ottawa: Slavic Research Group, 1998.

русских инаковерующих, в 1908 году. Лубков и около 5000 его последователей переселились в Акстафу. Однако административное давление на новоизраильтян, а также попытки отозвать их легальный статус продолжались. Кроме того, ко времени акстафинского эксперимента относится еще одно массовое переселение русских «сектантов», на этот раз молокан, за рубеж. Между 1902 и 1912 годами около 2000 молокан эмигрировали из Закавказья в США.²² К 1910 году у Лубкова созрела идея вовсе уехать из России и увезти с собой свою общину. Лубков и его сподвижник Мишин отправились на поиски подходящей страны для грядущего переселения около 1911 года, в особенности рассчитывая на США или Канаду. Однако канадские духоборы к тому времени уже вступили в длительную полосу конфликта с властями, спровоцированного отказом духоборов подчиняться ряду канадских законов и последующим лишением духоборов первоначально выделенных им земель. Калифорния же, где расселились молокане, уже была достаточно урбанизированным регионом, где не было земельных угодий по номинальной (как в Канаде) или даже просто доступной цене. Мишин, разочаровавшись в идее переселения, отбыл в Россию. Лубков же в начале 1913 года прибыл в Уругвай. Источники указывают, что Хосе Ричлинг (José Richling), Генеральный консул Уругвая в Нью-Йорке (по другим сведениям, в Париже или Сан-Франциско), озаботился получением для новоизраильтян правительственного разрешения на массовый въезд. Уругвай, так же как Аргентина и Бразилия, был в то время весьма популярным местом назначения для европейских переселенцев. Ричлинг в 1912 году посетил поселение новоизраильтян в Закавказье с целью сделать заключение о целесообразности их переселения в Уругвай, согласно одним источникам, по договоренности с Лубковым, а по другим сведениям – самостоятельно, в поисках потенциальных переселенцев в Уругвай. Его заключение было положительным и согласие на въезд было дано тогдашним президентом Уругвая Хосе Батже и Ордоньес (José Batlle y Ordycz).

Новый Израиль в Уругвае

Написание подробной и достоверной истории русского поселения Сан-Хавьер станет возможным после детального изучения и анализа всех имеющихся в распоряжении исследователя данных. В настоящее время автор провел только предварительную классификацию и разбор архива. В силу этого данная историческая справка о колонии Сан-Хавьер основана в основном на исторических эссе, написанных жителями Сан-Хавьера (смотрите о них последнюю часть статьи), и воспоминаниях жителей города, собранных в ходе интервьюирования.

После получения согласия уругвайского правительства на массовую миграцию, члены общины Новый Израиль стали съезжаться в Монтевидео разными маршрутами. Современник и исследователь новоизраильской эмиграции журналист Дмитрий Муратов писал, что хотя Лубков был бы рад видеть наиболее работоспособных и состоятельных в первых рядах переселенцев, на практике первыми на призыв своего вождя откликнулись самые преданные и глубоко верующие.²³ Первые группы прибывших новоизраильтян остановились в Монтевидео, в помещениях, предоставленных им иммиграционными властями Уругвая, ожидая дальнейшего переезда на постоянное место жительства в глубь страны. Один из бытописателей раннего периода русской колони-

²² О молоканской миграции см.: Hardwick, Susan W. *Russian Refuge: Religion, Migration, and Settlement on the North American Pacific Rim*. University of Chicago Press, 1993. P. 80-99.

²³ Муратов М.В. Переселение новоизраильтян // Ежемесячный журнал. – Пг., 1916. - №2. – С. 182.

зации, первопоселенец Андрей Золотарев, упоминает о непригодности выделенных помещений для долговременного проживания, повышенной детской смертности, болезнях и общем растущем недовольстве новоприбывших условиями жизни. Наконец, в июле 1913 года Лубков достиг договоренности о выделении переселенцам земли в департаменте Рио-Негро. Земли были выделены (на правах покупки и долговременной аренды) тогдашним министром сельского хозяйства Уругвая Хосе Эспальтером (José Espalter) из числа принадлежащих ему лично огромных угодий. Земля была осмотрена комитетом, состоящим из Лубкова и его ближайших помощников, который нашел предложенные земли подходящими для колонии. 27 июля 1913 года два судна привезли первые группы числом около 600 поселенцев. Этот день считается днем основания Сан-Хавьера, а на месте высадки поселенцев в местечке Пуэрто-Вьехо в нескольких километрах от нынешнего города сейчас установлен памятник в честь пионеров.

Лубков выступал полномочным представителем переселенцев во всех сношениях с представителями уругвайской администрации, а также банков и других структур. Соответственно, все договоры хозяйственного и иного значения подписывались им лично и заключались от его имени на основании полученных им от колонистов доверенностей. Полученная земля была разделена под небольшие фермы для тех, кто желал заниматься сельским хозяйством. Однако права на собственность колонистов на эти участки не оформлялись согласно местным законам. Помимо этого, был выделен участок под центральное поселение городского типа, которое и стало ядром будущего Сан-Хавьера. Количество прибывших колонистов превышало количество рабочих рук, необходимых для обработки имеющейся земли, и часть молодых людей выезжали из колонии в поисках заработков в Монтевидео и другие регионы страны. Лубков нес ответственность перед уругвайским правительством за взятые им в аренду и долг земли, сельхозтехнику, семена и денежные средства, в то время как колонисты, получившие все это от Лубкова, были, в свою очередь, его должниками. Практически все приобретения делались Лубковым в кредит, щедро отпускавшийся ему как государством, так и коммерческими структурами, и долг колонии рос очень быстро. Создается впечатление, что Лубков отчасти стал жертвой очень доступного по сравнению с Россией кредита, который привел в итоге к финансовым проблемам в колонии и потере ее финансовой самостоятельности.

Согласно рассказу Золотарева, подтверждающемуся и сторонними данными, довольно рано в колонии формируется оппозиция Лубкову, противящаяся его патерналистским и авторитарным методам правления. Непокорные колонисты частью изгонялись Лубковым из колонии, а частью покидали ее сами. В первые же годы из колонии было изгнано как минимум 30 семей новоизраильтян, многие из которых переселились в район Серро (*Cerro*) уругвайской столицы, найдя неквалифицированную работу при находившихся там промышленных морозильных установках. У автора имеются копии документов одной такой семьи, Долговых, которые, прибыв в Уругвай в 1913 году, уже в 1919 проживали в Серро. В том же году Долговы начали оформление документов для выезда на постоянное жительство в США, куда и выехали из Уругвая в 1920 году. Покинувшие колонию, очевидно, также переставали активно практиковать и религию Нового Израиля. Нам неизвестно об альтернативных собраниях этой религии вне колонии, хотя, например, семья Долговых хранила и привезла с собой в США сборник новоизраильских духовных песнопений.

Одной из больших проблем колонии в первые годы ее существования была саранча, периодически уничтожавшая урожай. Одна из сан-хавьерских хроник, написанная местным жителем Григорием Зинченко (смотрите послед-

ною часть статьи) даже указывает на саранчу как на одну из причин разочарования в уругвайском эксперименте самого Лубкова, вернувшегося в Советскую Россию в 1926 году. Однако вряд ли набеги саранчи были решающим фактором в этом решении. В 1924 году Лубков перестал быть администратором колонии, очевидно, по причине финансовых трудностей и неуплаты по кредитам. Вместо него уругвайскими властями было введено внешнее управление, и собственником активов колонии стал Ипотечный Банк Уругвая (*Banco Hipotecario Uruguayo*). Вместе с тем великий социальный и экономический эксперимент, происходивший в Советской России, дал Лубкову основания возложить надежды на новую попытку создания колонии своих приверженцев в СССР. Поскольку подавляющее большинство новоизраильтян осталось в России, колония имела перспективы стать гораздо более многочисленной, нежели уругвайская, а экономические условия обещали быть более благоприятными, ибо тогдашнее советское правительство благоволило всем формам коллективного ведения хозяйства, в том числе, создававшимся «сектантами». В апреле 1925 года из Сан-Хавьера в СССР отбыли первые посланцы уругвайских новоизраильтян, а 9 апреля 1926 за ними последовал и сам Лубков во главе группы в 156 репатриантов. Под ведение коллективного хозяйства новоизраильской общины советским правительством были выделены огромные земельные угодья в нынешнем Сальском и Целинском районах Ростовской области на Северном Кавказе. Первоначальный план состоял в том, чтобы все уругвайские новоизраильтяне постепенно, по мере создания и развития новой колонии, вернулись в Россию. Уезжая, Лубков назначил Андрея Андреевича Пояркова, видного новоизраильтянина, служившего в Гражданскую войну в армии генерала Врангеля и прибывшего в Уругвай только в 1922 году, своим временным заместителем. Преодолевшая трудности становления северокавказская новоизраильская община, известная среди верующих под названием Священный Маньч, стала к 1929 году одним из «самых преуспевающих хозяйств на Северном Кавказе». ²⁴ Однако с началом сплошной коллективизации и принятия нового законодательства о культах в 1929 году, наступление на сектантские хозяйства со стороны государства принимает масштабный характер. В результате против лидеров новоизраильского хозяйства возбуждаются уголовные дела, а в конце 1929 года хозяйство преобразовывается в обычный колхоз и теряет свой конфессиональный характер. Лубков, как явствует из его писем в Уругвай, вынужден был вести скитальческую жизнь, проживая то в Подмосковье, то в Средней Азии. Лубков неоднократно подавал ходатайства о выезде в Уругвай, а в Сан-Хавьере среди новоизраильтян проводились сборы средств для покупки ему билетов на пароход и оплаты пошлин за оформление загранпаспорта. Однако всякий раз в выезде за пределы СССР власти ему отказывали. Жители Сан-Хавьера полагают, что Лубков умер 7 августа 1937 года. В качестве причины смерти Зинченко указывает болезнь, но, по мнению некоторых сан-хавьерцев, с которыми удалось беседовать автору, Лубков был арестован и расстрелян. Вся переписка с ним, хранящаяся в архиве новоизраильской общины в Сан-Хавьере обрывается в конце 1933 года.

В отсутствие Лубкова роль лидера общины выполнял Андрей Поярков. На нем не лежало хозяйственной ответственности, ибо владельцем земель и прочей собственности колонии уже с 1924 года был Ипотечный Банк, а с 1925 правительственная организация Национальный Институт Колонизации (*Instituto Nacional de Colonización*). Поярков выполнял главным образом роль

²⁴ Крапивин М.Ю., Лейкин А.А., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. С. 224.

духовного лидера русской колонии и религиозного главы общины Новый Израиль. При нем в 1930-х годах было построено культовое здание общины, Собрание. В послереволюционные годы Сан-Хавьер становится своего рода центром притяжения для русских и вообще славян, оказавшихся в эмиграции. Золотарев упоминает белых офицеров, проживавших в Сан-Хавьере и округе в 1920-х годах. Население города и окрестностей пополняется также за счет украинцев – переселенцев из тогдашней Восточной Польши. К 1930-м, очевидно, относится появление первых кружков левой и коммунистической направленности в Сан-Хавьере. Участница такого кружка, Юлия Скорина, уроженка Восточной Польши, проживавшая в Сан-Хавьере, была убита полицейским во время митинга протеста в 1933 году. Ее память до сих пор чтят сан-хавьерцы левых убеждений, а ее могила на городском кладбище, выкрашенная в красный цвет и декорированная перекрещенными серпом и молотом, всегда украшена цветами. Вообще, левое движение и разделение жителей Сан-Хавьера в зависимости от политических убеждений с тех пор и до сего времени является очень важным фактором жизни города. Отношения между теми, кто считает себя либо считается «правым» и «левыми» зачастую натянутые или враждебные даже в быту. Нередко это политическое разделение накладывается и совпадает также с антагонизмом между «лубковцами», сторонниками Собрания и «безбожниками», оппонентами Собрания и новоизраильской веры, хотя политический фактор намного более релевантен для большего числа людей, чем религиозный.

В 1944 году Поярков переехал в Монтевидео, чтобы иметь доступ к более качественной медицинской помощи. Он скончался в Монтевидео несколько лет спустя, а лидером общины стал Мирон Гайворонский, один из первопоселенцев, бывший в молодые годы помощником Василия Лубкова по сельскохозяйственным вопросам. По свидетельству Зинченко и некоторых информантов, с 1950-х годов резко возрастает доля нерусского и неславянского населения в Сан-Хавьере. Деятельность Собрания и религиозный новоизраильский фактор окончательно отходят на задний план, став сферой интересов сравнительно небольшой группы лиц, в основном пожилого возраста.

К послевоенным годам относится восстановление дипломатических и экономических связей между СССР и Уругваем. В результате усилий советских консульских работников, направленных на репатриацию соотечественников, некоторое количество жителей отправилось на жительство в СССР. Многие из них поселились на Северном Кавказе. Некоторое количество русских сан-хавьерцев воспользовалось возможностью получить в СССР образование. Самым известным таким жителем города был, несомненно, доктор Владимир Рослик (1943-1984). Получив диплом врача в Университете Дружбы Народов в Москве, Рослик вернулся в родной город и работал доктором. По подозрению в подрывной коммунистической деятельности он, в числе других сан-хавьерцев, в основном русских по происхождению, дважды арестовывался военной хунтой, правившей Уругваем с 1973 по 1984 год. При втором аресте в 1984 доктор Рослик был подвергнут на допросе пыткам, приведшем к его смерти. В настоящее время Владимир Рослик имеет в Сан-Хавьере (и в Уругвае в целом) статус героя и мученика диктатуры. Улица и ряд объектов в городе названы его именем, с 1985 года действует благотворительный фонд имени д-ра Владимира Рослика (*Fundaciyn Doctor Vladimir Roslik*).

Ряд сан-хавьерцев левых политических взглядов высказывали автору убеждение, что диктатура в Уругвае преследовала вообще всех русских по этническому признаку. В то же время русские сан-хавьерцы из числа верующих новоизраильтян опровергали это мнение, говоря, что производились аресты лишь тех, кто подозревался в противоправительственной деятельности, и те

русские жители Сан-Хавьера, которые такой деятельностью не занимались, не имели никаких причин для беспокойства.

После смерти Мирона Гайворонского в 1960-х годах и до наших дней новоизраильское собрание в Сан-Хавьере не имело определенного лидера, а решения принимались всеми членами общины коллегиально. Число жителей города, считающих себя последователями веры Новый Израиль и посещающих Собрание, все последние годы неуклонно сокращалось, и есть основания полагать, что в близком будущем община может окончательно прекратить свое существование.

Сан-Хавьер и Новый Израиль: современное состояние

Современный Сан-Хавьер – это небольшое сельскохозяйственный городок в центре восточной части Уругвая, расположенный на берегу реки Уругвай, служащей естественной границей между одноименной страной и Аргентиной. Административно город относится к провинции Рио-Негро. Население города в настоящее время составляет примерно 1600 человек (без сельских поселений в округе), приблизительно половина из которых могут назвать кого-либо из русских первооселенцев в числе своих прямых предков. Несмотря на неплохую инфраструктуру, ощущение личной безопасности, отсутствие явной нищеты и общую «цивилизованность», Уругвай трудно назвать богатой или процветающей страной. Высокая безработица и иные экономические проблемы преследуют Уругвай в течение десятилетий. Но даже по уругвайским стандартам Сан-Хавьер считается экономически депрессивным местом. Молодые люди очень часто покидают город после получения базового образования для дальнейшей учебы или работы, и редко возвращаются в родные места. По всей вероятности, большинство людей (включая русских по происхождению), когда-либо родившихся в Сан-Хавьере, ныне проживают за пределами родного города. Практически все жители Сан-Хавьера, с которыми довелось общаться автору, имеют близких родственников, живущих в самых разнообразных местах за пределами городка, от близлежащего относительно крупного города Пайсанду до уругвайской столицы Монтевидео, соседней Аргентины, а также Испании, США и Канады. Работающие жители Сан-Хавьера заняты в сельском хозяйстве, сфере услуг (магазины, кафе, мастерские, телефонный переговорный пункт, местная FM-радиостанция и т.п.), школьном образовании.

Недавно город начал эксплуатировать свое русское происхождение и сохранившиеся традиции в качестве туристической достопримечательности. Городская площадь (*Plaza de Armas*) украшена гигантскими фигурами матрешек, знаки на въезде и выезде из города (также украшенные нарисованными матрешками и русским орнаментом) приветствуют гостей и благодарят за визит на испанском и слегка неправильном русском. Некоторые из обозначений названий улиц также двуязычны. Практически все здания и иные объекты, относящиеся к раннему периоду русской колонизации и имеющие историческую ценность, охраняются государством. Два имеющихся в городе музея, муниципальный Музей Иммигрантов (*Museo de los Inmigrantes*) и частный Белый Дом (*La Casa Blanca*, бывшая резиденция лидера новоизраильтян Лубкова) являются, по сути дела, музеями русской колонизации и религиозного движения Новый Израиль.

Муниципальный музей существует в городе уже долгое время и содержит небольшую, но интересную коллекцию артефактов, относящихся к разным областям жизни русских пионеров, от старых фотографий до веретен, самоваров, сельхозинвентаря и одежды старинного покроя. К предметам собственно религиозного значения из числа хранящихся в музее относятся разве что распространенный среди новоизраильтян комбинированный поясной фотопортрет (практически коллаж) Катасонова, Мокшина и Лубкова, составленный из

трех разных фотографий. Пояснительные надписи и цитаты в музее содержат краткую информацию о Новом Израиле как оригинальной религии поселенцев. Мотивом переселения в этих надписях называются религиозные преследования новоизраильтян в царской России. Музей полностью субсидируется государством, вход посетителей в него бесплатный. Музей ведет блог в интернете (на испанском языке) по адресу: <http://museodelosinmigrantes.blogspot.com/>

Второй музей, по мнению многих сан-хавьерцев, конкурирующий с первым (ниже мы объясним эту ситуацию), официально открылся только в июне 2008 года. На момент пребывания автора в Сан-Хавьере работы по его открытию велись полным ходом. Здание музея, признанное историческим памятником, было выкуплено частным лицом, потомком сан-хавьерских пионеров, проживающим ныне в Монтевидео, за собственные средства специально под музей. Владелец музея, библиограф по образованию, смог также получить финансовую поддержку своему проекту от уругвайского государства в виде гранта. Первоначально здание находилось в аварийном состоянии, и его открытию предшествовали интенсивные ремонтные работы, многие из которых владелец выполнял собственноручно. Одним из источников материалов и артефактов для этого музея является проживающая в Сан-Хавьере правнучка Лубкова. На взгляд автора, этот музей содержит значительно больше экспонатов, относящихся к личности и биографии Лубкова, чем муниципальный. Музей «Белый Дом» тоже ведет блог (на испанском, содержание также на русском и английском) по адресу: <http://museocasablanca.blogspot.com/>

Однако лишь два из примерно десяти охраняемых государством исторических объектов в Сан-Хавьере относятся напрямую к религии Новый Израиль. Это культовое здание новоизраильтян (Собрание или *La Sabraca* в испанизированной версии) и могилы третьей жены Василия Лубкова Натальи Григорьевны (ум. в 1924) и старейшего члена общины Максима Шевченко, бывшего в 1891 году свидетелем передачи власти в Новом Израиле от Мокшина к Лубкову.

Хотя здание Собрания является на данный момент муниципальной собственностью, новоизраильская община имеет неограниченное право собираться там для своих культовых надобностей. Интерьер собрания напоминает музей. Стены заняты многочисленными фотопортретами выдающихся новоизраильтян. Особое место среди них занимают портреты Василия Лубкова, Натальи Григорьевны Лубковой, Андрея Пояркова. Помимо портретов, в Собрании находится шкаф с рукописями, представляющими собой архив общины, стол и стулья, а также особый уголок для гостей, оборудованный мягкими креслами и украшенный флагом Сан-Хавьера.

Как уже было сказано, не менее половины сан-хавьерцев русского происхождения, но относительно немногие жители способны свободно говорить по-русски. Естественно, степень владения русским языком резко увеличивается вместе с возрастом. В возрастной группе старше 60 лет большинство сан-хавьерцев русского происхождения способно поддержать разговор на русском. Среди людей среднего и молодого возраста владение русским языком редко, хотя подавляющее большинство жителей города, даже нерусского происхождения, знает какое-то количество русских слов и выражений. Преподаватель, недавно командированный из России, преподает в настоящее время русский язык желающим сан-хавьерцам.²⁵ Некоторые из жителей, посещающих или в прошлом посещавших Собрание, предполагали в беседах с автором, что сте-

²⁵ См. сообщение Департамента информации и печати МИД РФ по адресу http://www.in.mid.ru/ns_publ.nsf/ca618d5746fee68cc32571f4002a5d7c/1c2a43994865148dc325763800254cf6?OpenDocument (ссылка проверена 26 ноября 2010 года – ред.).

пень владения русским языком находится в прямой зависимости от связей того или иного человека с новоизраильским Собранием, причем чем активнее такого рода связи, тем лучше знание русского. Собственные наблюдения автора не подтверждают такого вывода. Хотя религиозные песни новоизраильтян («стихи») существуют и исполняются только на русском, само по себе это не служит существенным фактором владения языком, ибо все общение между посетителями Собраний за исключением собственно пения уже давно идет преимущественно по-испански. Единственным реальным фактором, определяющим владение русским языком, является возраст, и прихожане Собраний владеют русским скорее в силу своей принадлежности к старшей возрастной группе, чем в силу религиозных убеждений. Стоит заметить, что по сравнению с русским языком канадских духоборов, хорошо знакомым автору, русский язык сан-хавьерцев на удивление правилен и близок к современному стандарту, за исключением, разве что, фрикативного «г» и заимствований из испанского.

Среди жителей Сан-Хавьера есть определенный процент владельцев российских паспортов. Как правило, эти люди, уроженцы Уругвая, получили загранпаспорта РФ от российских консульских сотрудников после распада СССР. Автору стал известен только один случай использования такого паспорта жительницей Сан-Хавьера для безвизового въезда в РФ с целью посещения родственников на Северном Кавказе. Это является скорее исключением, ибо поездки из Сан-Хавьера в Россию – весьма нечастое явление. В нескольких других ситуациях держатели российских паспортов не смогли внятно объяснить цели их получения. В одном случае русский сан-хавьерец аргументировал получение им паспортов для себя и своей семьи (включая жену итальянского происхождения) тем, что паспорт РФ, как он надеется, дает возможность проживать и работать в Европе!

В пределах 15-20 километров от Сан-Хавьера расположена другая русская колония, старообрядческая (по-видимому, часовенного согласия) деревня, именуемая *Colonia Ofir*. Население деревни составляет несколько десятков человек. Колония была основана в 1960-х годах переселенцами из Бразилии. Староверы иногда приезжают в Сан-Хавьер по разным надобностям, но никаких тесных контактов между ними и сан-хавьерцами нет. Как показалось автору, обе группы русских уругвайцев даже где-то недолюбливают друг друга. Сан-хавьерцы зачастую считают староверов заносчивыми людьми, мало уважающими соседей и нарушающими правила общежития в угоду собственным общинным правилам. Староверы же несколько презирают сан-хавьерцев за ассимиляцию, выразившуюся в забвении русского языка и принятии «испанских» обычаев. Все староверы в Офире владеют русским как родным. Многие староверы имеют несколько паспортов разных государств, в том числе, российские. Эти последние активно используются ими по назначению для поездок в Россию. В целом, как показалось автору, уровень материального благосостояния староверов выше, чем сан-хавьерцев. Автору стал известен, по крайней мере, один случай обращения сан-хавьерца из новоизраильтян в старообрядчество (очевидно, ради брака), закончившийся последующим отпадением обращенного от староверия и расставанием супругов.

Население Уругвая не очень религиозно по латиноамериканским стандартам. По данным 2000 года, 52% населения страны назвало себя «нерелигиозным» или «малорелигиозным», при том, что более 80% верят в существование Бога.²⁶ Сан-Хавьер в этом отношении не является исключением из общего пра-

²⁶ <http://www.factum.edu.uy/encuesoc/finsem/2000/efs00003a.html> (ссылка проверена 26 ноября 2010 года).

вила. Хотя община новоизраильтян является старейшим религиозным объединением в городе, вероятно, она является и самым малочисленным из них. Помимо новоизраильского Собрания, в Сан-Хавьере есть римско-католическая церковь, имеющая прихожан русского происхождения и баптистский молитвенный дом (принадлежащий к объединению славянских баптистских церквей Уругвая), а также приверженцы меннонитства, в том числе среди русских. В течение ряда лет в городе действует небольшая миссия протестантского движения, известного как «Путь» или «Безымянная церковь» (*The Way, No Name Church*),²⁷ впрочем, без особого успеха. Большинство же сан-хавьерцев равнодушно к религии.

Две даты, 31 мая, день освобождения Лубкова из закавказской ссылки, и 28 июля, день основания Сан-Хавьера, являются главными праздниками новоизраильской общины и единственными днями на протяжении уже ряда лет, когда в здании Собрания проводится публичное богослужение. Последняя из этих дат является также памятным днем, широко отмечаемым в Сан-Хавьере на общегородском уровне. Нередко в празднованиях, непременно включающих в себя русские пляски и традиционные русские угощения, принимают участие представители провинциальной власти, а также сотрудники посольства России в Уругвае.

В теории, собрания новоизраильтян должны проводиться каждое воскресенье, и хранительница ключей на момент пребывания автора в городе, пожилая новоизраильтянка, выражала свою готовность открыть здание и участвовать в собрании в любое воскресенье, как только этого потребует кто-либо из верующих. На практике же таких запросов не поступает, ибо желающих собираться по воскресеньям, среди сан-хавьерских новоизраильтян нет. Кворум регулярно собирается только по двум упомянутым выше памятным дням. В эти дни Собрание открывается для богослужения, на которое помимо собственно участников из любопытства приходят не считающие себя новоизраильтянами жители (в том числе нерусского происхождения), а также приглашенные на торжества гости из числа государственных служащих и персонала посольства РФ. Уже упоминавшаяся хранительница ключей от здания Собрания с гордостью рассказывала автору о том, что во время одного из последних празднований годовщины основания Сан-Хавьера присутствовавший сотрудник российского посольства покинул выступление танцевального коллектива, чтобы вместо него отправиться в Собрание. Он объяснил такой поступок тем, что уже видел, и еще будет иметь возможность видеть немало русских танцев, в то время как новоизраильское Собрание представляет собой уникальный историко-культурный феномен, увидеть который более нигде невозможно.

В целом, несмотря на то, что большинство сан-хавьерцев имеют некоторое представление о религии Нового Израиля, это вероисповедание не оказывает на данный момент никакого влияния на их поведенческие установки, стиль жизни или самоидентификацию. Более того, в силу причин, уже упоминавшихся в предыдущем разделе, часть русских сан-хавьерцев относится к религии Нового Израиля и, в особенности, к личности Лубкова без всякого пиетета, скептически, а иногда и враждебно.

Разделение между русскими сан-хавьерцами по линиям «последователь Лубкова – противник Лубкова» и «правый – левый/коммунист» сохраняется до сих пор, хотя молодое поколение затронуто этими старыми конфликтами в значительно меньшей степени. Соперничество между двумя похожими музей-

²⁷ См., напр., www.religioustolerance.org/chr_2x2.htm (ссылка проверена 26 ноября 2010 года). Автору неизвестны материалы об этом движении на русском языке.

ми в небольшом городе, по свидетельству некоторых информантов, также происходит из представления об одном из музеев как о «правом», а о другом как о «левом». Причины такого рода воззрений трудно понять стороннему человеку, не знающему нюансы взаимоотношений конкретных семей и отдельных сан-хавьерцев в разные периоды жизни города, в особенности при жизни Лубкова и при военной хунте, а также малосведущему в уругвайской политике. В целом же чувства как «правых», или «лубковцев», так и «левых» учитываются на официальном уровне. В городе есть улицы, названные как в честь Василия Лубкова, так и доктора Рослика, а делегации и представители власти обычно посещают как Собрание, так и «левый» Клуб имени Максима Горького.

По просьбе автора богослуженное собрание состоялось в одно из воскресений во время его пребывания в Сан-Хавьере. На нем присутствовало четыре человека – две пожилых женщины, убежденные новоизраильтянки, местный журналист и автор. Богослужение длилось около часа и свелось к пению шести песен из рукописного песенного сборника новоизраильской общины. Богослужение не включало в себя никаких молитв или проповеди. Тем не менее, обе участницы старались следовать заведенному порядку богослужения, исполнив традиционную вступительную песню в начале и заключительную в конце встречи. Выбор остальных песен, как показалось автору, был достаточно случаен, причем темы некоторых вызывали удивление. Так, была исполнена песня, очевидно, составленная в середине 1920-х годов, представляющая собой призыв к сан-хавьерским новоизраильтянам покинуть Уругвай и присоединиться к Лубкову и его новому коллективному хозяйству на Маньче. Выбор такой темы тем более удивителен, что одна из участниц специально принесла на встречу хранимое ей в качестве семейной реликвии письмо от родственников, репатриировавшихся в СССР, полученное ее родителями в конце 1920-х годов и попросила автора прочитать его вслух. Письмо было полно жалоб на жизнь в Советской России и сожалений об отъезде из Уругвая, а также содержало предостережение ни в коем случае не следовать их примеру.

К сожалению, автор не смог остаться в Сан-Хавьере на празднование 31 мая 2008 года. Однако один информант прислал автору подробное описание состоявшегося богослужения новоизраильтян. Согласно этому описанию, информация о времени, месте и характере богослужения транслировалась местной FM-радиостанцией за несколько дней до самого праздника. Присутствовало около 30 человек, большинство из которых пришли из любопытства. Новоизраильские «стихи» исполнялись группой из восьми человек преклонного возраста (семь женщин и один мужчина). Как и на описанной выше встрече, не было ни молитвы, ни проповеди. Богослужение закончилось праздничным угощением и непринужденным общением всех собравшихся.

Классификация архивных материалов

Одной из задач полевых исследований было копирование архивных, в основном рукописных, материалов, хранящихся в здании Собрания. В результате было сделано более одной тысячи листов фотокопий оригинальных архивных материалов, отобранных автором. Это составляет меньшую, хотя и значительную часть (примерно от четверти до трети) от общего количества хранящихся там бумаг. Вся работа по отбору и анализу документов проводилась внутри здания Собрания, под наблюдением и с помощью двух представительниц общины. Заключительная часть статьи посвящена классификации имеющейся в распоряжении автора части архива.

Большую часть всех архивных материалов новоизраильского Собрания Сан-Хавьера составляет корреспонденция. В основном, это письма, написанные и полученные лидерами общины, в первую очередь В.С. Лубковым и А.А. Полярковым. Определенная часть писем представляет собой переписанные от руки

копии с оригинала, но немало и писем, написанных рукой Лубкова. Подписывался Лубков как правило инициалами «П.М.», означавшими «Папа-Мама». Этот любопытный титул был, наверное, самым популярным из многих, употреблявшихся в общине в отношении своего вождя.

Самые ранние из имеющихся в распоряжении автора писем относятся к 1911-12 годам, то есть, к периоду, непосредственно предшествующему эмиграции в Уругвай. Это письма, направленные Лубкову из новоизраильской колонии в Акстафе или отосланные в Россию Лубковым в то время, когда лидер общины находился в длительной заграничной поездке с целью найти подходящий для массового переселения регион и договориться об условиях. Письма своим последователям отправлялись Лубковым из Великобритании, США, Канады, и, наконец, начиная с 1912 года, из уругвайской столицы Монтевидео, где Лубков находился около года, ожидая прибытия членов своей общины. Письма новоизраильтян своему вождю имели целью сообщить новости о своей жизни, письма же Лубкова представляли собой своего рода путевые заметки, перемежавшиеся рассуждениями о перспективах массового переселения за границу.

В архиве практически нет писем, относящихся к периоду первой мировой войны и российской революции. Возможно, обмен корреспонденцией с воюющей Россией в то время был затруднен, либо Лубкову было не до активной переписки в самые первые годы становления русской колонии. Корреспонденция возобновилась с 1921 года. Именно к десятилетию 1921-1931 относится основная масса писем. Письма этого периода становятся значительно разнообразней в части более широкого круга корреспондентов. Помимо писем Лубкова в Россию и из России, датированных временем до и после его репатриации (1926), в архиве хранится определенное количество писем иных авторов из числа новоизраильтян, в основном проживавших в СССР либо репатриировавшихся туда вместе с Лубковым. Корреспонденция первых лет существования новоизраильского коллективного хозяйства на Маньчже, отправлявшаяся новоизраильтянам в Уругвай, в целом отличалась оптимизмом. Нередко авторы жаловались на определенные бытовые и иные трудности, но их надежда на успех своего начинания была очевидна. Начиная с конца 1920-х, т.е. начала сплошной коллективизации, тон писем поменялся на гораздо более пессимистичный. Авторы нередко сетовали на произвол властей в отношении их коллективного хозяйства и наступление безбожия. Последние из имеющихся писем, полученные в Уругвае от В.С. Лубкова датируются концом 1933 года. Они отосланы из Ташкента и Ташкентской области Узбекистана, где Лубков, очевидно, жил после запрещения ему проживать в Северо-Кавказском крае. Тон последних писем Лубкова представляет собой удивительный контраст с его более ранними письмами и вообще тональностью его сочинений и его образом как целеустремленной, энергичной и властной натуры. Письма Лубкова 1931-33 годов почти не содержали упоминаний о Боге, религии, или даже новоизраильской общине. Все они сводились почти исключительно к требованиям сбора и высылки денег ему лично, жалобам на здоровье и жизнь, слезным просьбам помочь с выездом из СССР в Уругвай и описаниям процесса общения с советскими инстанциями, ответственными за выдачу загранпаспортов, разрешений на выезд и получение денежных переводов из-за рубежа.

Интересно, что письма многих репатриировавшихся в СССР новоизраильтян своим родственникам в Сан-Хавьер содержат немало испанских или испанизированных слов и оборотов. В некоторых случаях корреспонденты вставляли в текст писем целые предложения или абзацы на испанском. Очевидно, после 13 лет проживания многие пионеры овладели языком в достаточной степени. Авторы - репатрианты явно гордились тем, что они не забыли испанский язык.

Отдельно следует упомянуть небольшое количество писем от посторонних общине людей, написанных по самым разным поводам. Так, имеются письма (из Советской России и Болгарии) с просьбами о принятии в общину и содействии переселению в Уругвай, от священника православной церкви в Буэнос-Айресе с благодарностью за присланную ему из Сан-Хавьера русскую книгу. Есть и письмо от некоего бывшего присяжного поверенного из Нью-Йорка, некогда безвозмездно защищавшего новоизраильтян в царских судах, с порицанием колонистов за неоказание ему обещанной помощи, и прочее.

Имеющаяся в распоряжении автора часть архива практически не содержит (за единственным исключением), писем из России, датированных периодом после 1933 года. Очевидно, политическая закрытость страны, эпоха массовых репрессий, а затем и война не были благоприятным фоном для поддержания контактов между русскими уругвайцами и их советскими единоверцами и родственниками.

В распоряжении автора имеются три разных сборника новоизраильских духовных песен, или, пользуясь терминологией самих новоизраильтян, стихов. Два из них скопированы с оригиналов, хранящихся в Собрании, а копия третьего была получена автором от потомков новоизраильтян, проживающих ныне в Канаде. Один из сан-хавьерских сборников содержит 167 стихов, и обычно используется участниками богослужебных встреч для пения. Другой сборник содержит всего 12 стихов. Большой сборник, озаглавленный «Стихарник», датируется 1969 годом, и посвящен, как гласит надпись на обложке, 100-летию со дня рождения Лубкова. Некоторые стихи в нем повторяются по два раза, надо полагать, по недосмотру переписчика или составителя. Содержание малого сборника по большей части совпадает с большим. Сборник, полученный от информанта, живущего в Канаде, содержит около 30 стихов, по большей части совпадающих с уже известными. Помимо рукописных сборников, в распоряжении автора есть оцифрованные записи новоизраильского пения стихов, датированные 1990-ми годами, и записи собрания, на котором присутствовал он сам.

Архив содержит немалое количество всякого рода «декретов» и иных распоряжений Лубкова, делавшихся им в период руководства колонией Сан-Хавьер и касавшихся широкого круга вопросов хозяйственного, административного и духовного характера. Помимо распоряжений, Лубков подготовил несколько сценариев театрализованных представлений, продолжающих традицию проводившихся в России «содействий».

Особый интерес для исследователя имеют написанные самими новоизраильтянами истории своего движения как в России, так и в Уругвае. Естественно, интерпретация своей истории самими членами общины, как и в случае других русских эмигрантских «сектантских» движений, старалась обосновать или оправдать свой отъезд из России.²⁸ Один из приобретших известность на поприще исследования собственной истории сан-хавьерцев, Григорий Зинченко (Gregorio Sinchenko, ? - 1982), подготовил, по крайней мере, две компиляции, одна из которых посвящена истории движения Новый Израиль в России до эмиграции в Уругвай, а другая - истории колонии Сан-Хавьер. Оба текста хранятся в архивах собрания, причем история Сан-Хавьера была переведена на испанский с оригинального русского и опубликована в периодическом издании *Crónicas* в близлежащем городе Мерседес в 1990 году. Согласно Зинченко, единственной причиной для эмиграции из России были погромы со стороны право-

²⁸ См., например, John K. Berokoff, *Molokans in America*, Los Angeles, United Molokan Christian Association, 1969 или Петр Малов. *Духоборцы, их история, жизнь и борьба*. Thrums, British Columbia, Canada, 1948.

славного населения и административное давление на новоизраильтян власти и церкви. Хроника Зинченко отражает точку зрения тех сан-хавьерцев, которые, как и он сам, группировались вокруг Собрания и придерживались консервативных политических взглядов. Наряду со славословиями Лубкову как мудрому духовному вождю, избавившему своих последователей от притеснений, Зинченко не пожалел похвал и новой родине переселенцев, Уругваю, а также уругвайскому правительству.

Другая известная в Сан-Хавьере версия ранней истории колонии была написана Андреем Золотаревым (Andrés Solotariov) на испанском языке в 1960-х годах. Копия этого текста, имеющего острую антилубковскую направленность, не хранится в Собрании, а была получена автором от одного из информантов в Сан-Хавьере, ныне не связанного с Собранием. По его собственному свидетельству, Золотарев был совсем молодым человеком на момент переселения в Уругвай. Сначала он, как и большинство переселенцев, слепо доверял вождю Лубкову, но затем, заметив как Лубков, по его словам, обманывает переселенцев и присваивает плоды их труда, стал в оппозицию ему. История Золотарева красочно описывает злоупотребления Лубкова властью, вплоть до исключения непокорных членов из колонии без каких-либо средств к существованию, намекает на сексуальную распущенность Лубкова и обвиняет его в подкупе уругвайских чиновников, приезжавших в колонию с ревизиями. Согласно Золотареву, отбытие Лубкова в СССР в 1926 году имело причиной готовящуюся крупную ревизию или даже возбуждение уголовного дела против него в Уругвае, что Золотарев приписал своим стараниям.

Помимо, так сказать, светских историй, архив Собрания хранит несколько проповедей исторического характера. Эти проповеди, читавшиеся в день 31 мая, носят красочные названия вроде «Краткая история возрождения Нового Израиля на 21-й век и деятельность вождя этого века». Такие тексты содержат идеализированную версию истории Нового Израиля и полные славословий биографические сведения о Лубкове.

К историческим сочинениям архива примыкают и «Воспоминания», а также «События мира» А.А. Пояркова, сменившего Лубкова на посту лидера Нового Израиля в Уругвае. Как известно, новоизраильтянин Поярков был участником Белого Движения, и покинул Россию в ходе эвакуации врангелевской армии из Крыма в 1920 году. Проведя около двух лет в Югославии, он выехал с женой в 1922 году с помощью Лубкова в Уругвай. В своих сочинениях Поярков описывает свои мытарства, а также делится мыслями по поводу современных ему событий (например, о Второй Мировой войне).

Наконец, в особую, хотя и небольшую группу, следует объединить записи о проводившихся в общине денежных сборах на различные цели. Такие записи указывают цель сбора (от покупки теплых вещей Лубкову в 1931 году до побелки Собрания в 1983), фамилии жертвователей и сумму. Огромная разница между пожертвованными суммами (подчас в 10 и более раз) позволяет предположить, что не все члены общины воспринимали сборы с одинаковым энтузиазмом и, возможно, свидетельствует о значительном имущественном расслоении в их среде.

Заключение

История новоизраильтян в Южной Америке – это интереснейшая и малоизученная страница, как русской, так и латиноамериканской религиозной истории, заслуживающая всестороннего и вдумчивого изучения уже в силу своей уникальности. Помимо этого, знакомство с ней вносит вклад в понимание феномена религиозно-мотивированной миграции, а также парадигм развития и адаптации этно-конфессиональных сообществ в новейшее время.

Данная статья ставила целью наметить подходы к изучению новоизраильского движения, и познакомить читателя с общей панорамой явления и с конкретными результатами недавно проведенных полевых исследований. Автор надеется, что за этим начальным этапом последует более полный и фундаментальный анализ имеющихся источников, а также введение их в широкий научный оборот.

Приложение. Стих, озаглавленный «К поминовению Вождя 21-го века Василия С. Лубкова». Составлен в Сан-Хавьере не ранее конца 1930-х годов, стр. 161-162 «Стихарника».

Далекий край, страна изгнания
Где Учитель наш зарыл.
Появился один холмик,
А потом всеми забыт. (1)

Он забыт теми людьми,
Кто не мог его понять.
В самих нету светлой жизни,
Так спешат у других отнять. (2)

Но он воскреснет с того гроба,
Оживет в сердцах других.
Как Христос, спаситель мира
Вновь появится у них. (3)

Им бороться с Богом трудно
Не по силам никогда,
Все их замыслы лукавы
Он разрушит навсегда. (4)

Он раскроет все темницы,
Всех он выведет на свет,
И укажет путь правдивый,
Где насилья там уж нет. (5)

Он придет людям на радость,
Принесет желанный мир,
Братство, равенство святое,
Совершит священный пир. (6)

С Богом жизнь будет прекрасна,
Христос верный проводник,
А без Бога все владыки
Завели мир у тупик. (7)